

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

НТР и национальные процессы / Отв. ред. Шкаратан О. И. М., 1987. 248 с.

В ходе истории всей нашей многонациональной страны, а также составляющих ее республик и населяющих ее народов происходят различные изменения в сфере материального производства, в составе населения, в области культуры и других сторонах жизни. Какая-то часть этих изменений в научной литературе называется «национальными процессами», но что именно охватывается таким выражением — не вполне ясно; то же самое относится и к работам, характеризующим «национальные процессы» в зарубежных странах. Это обусловлено некоторой нечеткостью ключевых терминов, входящих в цепочку «этническое — национальное — социальное», различным пониманием их этнографами и, скажем, философами. Уместно отметить, что немногим раньше рецензируемой книги в том же издательстве «Наука» (но в редакции «Философия») вышла книга «Национальные процессы в СССР», посвященная, как заявлено в аннотации, анализу «структуры и ценностям новой социальной интернациональной общности — советского народа», но в действительности содержащая не очень внятное изложение всего понемногу: от теории нации и национально-государственного строительства в СССР до разоблачения буржуазных фальсификаторов «ленинской национальной политики КПСС».

В аннотации к рецензируемой книге сказано, что в ней «...прослеживается влияние современного научно-технологического переворота на совершенствование национальных отношений в СССР. Раскрыты проблемы соотношения традиционных и инновационных образцов трудовой деятельности в современном промышленном производстве с учетом национально-особенных черт культуры. Показано, что необходимо обеспечить планомерное обогащение и обновление традиционных навыков в сфере труда для ускорения социально-экономического развития советского общества». Отмечу сразу же, что о «национальных отношениях» как таковых в работе говорится очень мало. В центре внимания большинства ее авторов находится тематика, которая относится к области этнической (национальной) экономики как формирующейся научной дисциплины, теоретическое и особенно практическое значение которой в настоящее время достаточно очевидно, но ее развитие, как будет показано далее, требует дополнительных усилий. Несколько обособленное положение в этом отношении занимает II часть книги «Влияние научно-технической революции на социальные процессы у народов СССР» с не вполне удачным названием (ибо «национальные» процессы также являются «социальными») и пестрым содержанием. В частности, представляется малообоснованным включение в нее II-й главы — «Эволюция национальных культур как момент социальной организации пространства: методологический аспект» (автор — В. Г. Виноградский); основное содержание этой философской главы посвящено преобразованиям категории «пространство» в категорию «время» и наоборот в связи с переходом от одной общественно-экономической формации к другой. «Эпохе антагонистических формаций (и особенно развитому капитализму), — пишет, например, автор, — присущ противоположный тип связи модусов социального времени. Поэтому социальное пространство капитализма характеризуется разорванностью времен, их порой драматическим противостоянием. Этот тип социального пространства представляет собой механический агломерат или, точнее, атомистическую общность модусов времени. Почти все связи между ними произвольно оборваны, искажены, лишены подлинного полисемантизма, социально-культурной многозначности» (с. 134). Боюсь, что многим читателям, как и мне, подобные высказывания покажутся лишенными здравого смысла. Некоторую неудовлетворенность вызывает здесь и 14-я глава — «НТР и проблемы социализации молодежи» (автор — И. С. Кон), в которой хорошо показаны особенности межпоколенных отношений в современную эпоху и лишь мельком замечено, что эти глобальные проблемы в нашей многонациональной стране имеют свои «этносоциальные и этнокультурные аспекты»; полагаю, что название книги обязывало автора уделить таким аспектам должное внимание.

После этих необходимых предварительных замечаний перехожу к анализу основной тематики книги, относящейся, как уже отмечалось, к национальной (этнической) экономике как сфере жизни и изучающей ее научной дисциплине, именуемой в дальнейшем этноэкономикой. Эта дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экономическими науками, призвана исследовать взаимоотношение национальных (этнических) и экономических явлений, прежде всего специфику производственной деятельности людей той или иной этнической принадлежности, с теми или иными хозяйственно-культурными традициями. Из названия книги видно, что в центре внимания авторов ее глав находится современная эпоха научно-технической революции, связанная с качественным преобразованием производительных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общества, с комплексной автоматизацией производства и управления на основе применения ЭВМ, использования новых материалов и видов энергии и т. п. Для показа особенностей этноэкономики в современную эпоху необходимо, с одной стороны, продемонстрировать степень развития НТР в различных национальных областях, а с другой — состояние экономики в исторически существовавший период. Забегая вперед, скажу, что в целом обе эти задачи в книге полностью не решены, да в начальный период развития этноэкономики и не могут быть решены. Однако стремление авторов к решению таких задач, несомненно, заслуживает всяческого одобрения с учетом, разумеется, некоторых погрешностей, на которых мне по долгу рецензента придется в дальнейшем не раз останавливаться.

Во Введении (автор — О. И. Шкаратан), носящем теоретико-методологический характер, говорится, что нашим плановым органам и отраслевым министерствам необходимо учитывать «своеобразный трудовой опыт, накопленный каждым народом за многие поколения, сложившиеся

хозяйственные традиции», ибо такие «этнические (национальные) особенности имеют самое прямое отношение к народнохозяйственной специализации республик и регионов» (с. 6). С этим пожеланием нельзя не согласиться, но оно требует уточнения и, так сказать, «заземления». Если взять, например, народы нашей страны, то почти все они «многие поколения» тому назад, скажем в конце XIX — начале XX в., имели преимущественно трудовой крестьянский опыт, учет которого сейчас, в эпоху НТР, мало что даст для «социально-экономического развития советского общества» (с. 7).

Основной текст рецензируемой книги делится на четыре части, первая из которых именуется «Научно-практические проблемы исследования национальных аспектов труда в современной экономике». 1-я глава «Трудовые традиции и современное производство в условиях ускорения социально-экономического развития» (О. И. Шкаратан, Л. С. Перепелкин) носит теоретико-методологический характер. В ней снова говорится о необходимости «обеспечить использование традиционных навыков в сфере труда без патологических ломок, на основе планового осуществляемого процесса органического развития трудовой преемственности между поколениями и внутри них» (с. 19). И снова ощущается, что для практического использования этой установки требуется дополнительная разработка. В этой главе есть краткое описание некоторых «традиционных навыков в сфере труда», но использование их, по признанию самих авторов, не всегда возможно. Отметим, например, что многие поколения жителей Средней Азии в процессе адаптации к условиям аридной зоны восприняли «размеренную, неторопливую жизнь, неспешную, а то и вялую по жаре работу», авторы замечают, что «на машинной уборке хлопка, на современной стройке, на нефте-промыслах или в геологической разведке такой ритм жизни не годится» (с. 17). Еще менее он уместен при работе в промышленности — у станка или на конвейере, и здесь без коренной ломки «традиционных навыков», право же, не обойтись. Что же касается отмеченной авторами разумности снижения и сейчас интенсивности работы «в самое жаркое время суток» (с. 17), то этот и подобные «навыки», связанные с трудом на открытом воздухе (снижение его интенсивности при проливном дожде, сильном морозе и т. п.), к этноэкономике, видимо, прямого отношения не имеет.

Примером целесообразности учета этнокультурной специфики «человеческого фактора» в промышленном производстве авторы считают применение на текстильных предприятиях, расположенных в селах (?) или малых городах Средней Азии, двухсменной работы вместо трехсменной, что устранит трудности «с заполнением вакансий за счет женщин коренного населения» (с. 25—26). Совет — разумный, но его этнокультурная нагрузка невелика, так как работа в ночную смену малопривлекательна для женщин любой национальности. Что же касается узбеков или, скажем, таджиков, то проблема вовлечения их в промышленность, даже на работу в одну смену, обусловлена главным образом их традиционной многодетностью и связанными с ней установками, что осталось вне поля зрения авторов. В результате предложенный ими перечень «основных проблем, требующих первоочередного анализа в XII пятилетке», прежде всего «исследование этнокультурных факторов научно-технического прогресса, роста производительности труда, повышения эффективности и качества работы» (с. 32), оказался недостаточно подкрепленным конкретными примерами таких исследований.

Уместно отметить, что задержавшееся становление и развитие этноэкономики обусловлено не только сложностью ее проблематики, часто выходящей в сферу этнической психологии, но и давним утверждением в экономике антиэтнографической, а в этнографии — антиэкономической, так сказать, парадигмы, по крайней мере в отношении промышленного производства. И для этого были и есть свои основания. Как известно, торжество промышленного производства над ремесленным было определено в значительной степени тем, что оно расчленило изготовление того или иного изделия на элементарные операции (в том числе конвейерного типа), которым несложно научить почти любого человека, доведя его действия до полуавтоматизма. Работники при этом по существу утрачивают свою этнокультурную специфику: действия квалифицированного токаря или, скажем, ткачихи за станком в принципе должны быть оптимально одинаковыми вне зависимости от того, принадлежат они к русскому, японскому или, например, итальянскому этносу. Существует мнение, что в ходе НТР возрастает творческая активность работников и тем самым значение их этно-психологических особенностей, но мне это представляется спорным и, во всяком случае, применительно к СССР — делом будущего. Пока же этнокультурная специфика проявляется главным образом в сфере межличностного общения работников и в организации производства, чему следовало бы уделить больше внимания.

2-я глава — «Динамика национального состава работников отраслей народного хозяйства (на материалах четырех столиц союзных республик)» — А. А. Суколов, 3-я глава — «Национальные традиции и совершенствование структуры промышленного производства в Прибалтийских республиках» — В. И. Пароль, 4-я глава — «Научно-технический прогресс и развитие национальных отрядов рабочего класса (на примере автономных республик Поволжья)» — К. Н. Сануков и 5-я глава — «Научно-технический прогресс и проблемы пополнения кадров промышленных рабочих (на примере Узбекистана)» — Г. А. Шистер — сходны по своему содержанию; в каждой из них на основании статистических данных и материалов специальных массовых обследований показаны национальные различия в социальной структуре тех или иных территориальных групп трудящихся, например почти повсеместный более высокий процент местных национальностей в сфере торговли, обслуживания, культуры наряду с высоким процентом русских в промышленности. Однако обстоятельного анализа причин таких различий не дано; говорится о различии «исторических судеб» различных регионов (с. 37), но смысл таких замечаний не вполне ясен. Попытки проследить преемственность трудовых традиций редки и поверхностны. Вывод о том, например,

что «по сей день сохраняется наблюдавшаяся уже в XIX в. „привязанность“ эстонцев к деревообрабатывающей промышленности, узбеков — к текстильной и кожевенной...» (с. 43), мало что дает; было бы странно, если бы у узбеков развилась привязанность к деревообрабатывающей промышленности, а у эстонцев — к текстильной: природно-региональные факторы здесь явно довлеют над этническими.

Существенный интерес представляет 6-я глава — «Региональные социальные процессы и проблемы ускорения социально-экономического развития» (А. М. Коршунов, Б. Ф. Мусаев), основанная главным образом на материалах по Узбекистану. Однако некоторые конкретные положения ее требуют усиления. Основной вывод авторов об оптимальном использовании трудовых ресурсов Средней Азии состоит в необходимости «сочетать форсированное развитие традиционных отраслей (пищевой и легкой) промышленности с созданием в определенных пределах современного наукоемкого производства» (с. 79); однако слова «в определенных пределах» могут относиться по существу к любому другому региону страны. Более глубоким анализом отличается 7-я глава — «Опыт сравнительного изучения этнокультурных стереотипов трудового поведения» (Л. С. Перепелкин, О. И. Шкаратан), в которой для характеристики этноэкономической ситуации в Ташкенте использованы материалы оригинального обследования рабочих одного из машиностроительных заводов. Авторы показали сильные различия по индексам занятости узбеков и русских в различных сферах экономики, в частности заметное преобладание русских мужчин и женщин в металлургии, металлообработке и машиностроении, узбекских мужчин и женщин — в текстильной и швейной промышленности; узбекских мужчин — в торговле и общественном питании, куда русские мужчины почти не идут (с. 84—85). Более значительная занятость узбеков в текстильной и других областях легкой промышленности, по мнению авторов, «свидетельствует об устойчивости ориентаций на эти отрасли производства», прослеживаемых с середины 1930-х годов (с. 87), когда других предприятий, впрочем, почти не было. К сожалению, оставлен без ответа напрашивающийся вопрос о том, почему в сферу торговли и общественного питания идет сравнительно мало русских женщин и очень много узбекских мужчин. Можно предположить, что это является следствием доходности таких занятий и кадровой политики, дающей преимущество коренной национальности республики, но так ли это — может сказать лишь дополнительное исследование.

О некоторых главах II части книги уже говорилось выше. Другие, входящие в нее главы: 8-я — «Региональные и национальные особенности социальных перемещений» (Л. Г. Гафт, Е. Д. Игитхаян), 9-я — «Социально-профессиональная и межотраслевая мобильность русских и татар в современном производстве» (А. М. Коршунов), 10-я — «Формирование национальной интеллигенции в республиках Прибалтики» (А. В. Кирх), 12-я — «Расселение и этносоциальные процессы в современном Казахстане» (У. К. Шеденов, Г. А. Демаков, А. А. Юсупбаев, Н. Х. Мизенина) и 13-я — «Социалистическая урбанизация и некоторые тенденции развития современной культуры городского населения Белорусской ССР» (В. К. Бондарчик, В. Н. Белявина) — в рамках своей тематики достаточно информативны, но содержащиеся в них материалы в этноэкономическом отношении проанализированы недостаточно глубоко. Кое-где чувствуется и недостаточно критический подход к источникам: авторы 8-й главы рассуждают, например, о росте численности рабочего класса в СССР до 2/3 всего занятого населения (с. 101), не учитывая, что значительную часть его прироста в последние десятилетия дал переход колхозников в совхозы, что мало отразилось на их образе жизни и других параметрах.

Очень содержательны части III — «Международные трудовые коллективы в странах СЭВ» и IV — «Научно-технологический переворот в контексте национальных культур (зарубежный опыт)», которые в сущности можно было бы объединить и в одну. Глава 15-я — «Международный опыт исследования проблем делового сотрудничества» (В. М. Гаськов, Р. Х. Каиров) — вообще выходит за рамки III части, так как содержит материалы и по капиталистическим странам. Авторы этой главы показывают, что при деловом экономическом сотрудничестве нужно знать этнокультурные особенности своих партнеров; так, в исламских странах от зарубежных консультантов ждут твердых указаний, а не предложений с выбором альтернативных решений (с. 176). Но есть в этой главе опять-таки и недоработанные места. Непонятен вывод о том, что «французы обладают высоким уровнем недоверия к описанию простых и ясных ситуаций» (с. 177); а также то, что иностранному бизнесмену «в странах Латинской Америки рекомендуется не обострять отношения и слыть приятным милым человеком» (с. 179), как будто где-то бизнесменам рекомендуется обострять отношения, и т. п.

Главы 16-я — «Социальные проблемы взаимодействия партнеров в международном трудовом коллективе» (В. М. Гаськов) и 17-я — «Социальные и культурные аспекты передачи производственного опыта в интернациональных бригадах» (В. М. Гаськов) — ограничены рамками СЭВ, но в первой из них речь идет главным образом о методике исследования; автор, видимо, из-за боязни «обидеть» социалистических партнеров явно избегает суждений об их этнокультурных особенностях. Этим же характеризуется и другая глава, в которой не приведен ни один этноним, не названа ни одна конкретная страна; автор учитывает не этнокультурные особенности групп работников, а главным образом уровень экономического развития стран-партнеров, что для этноэкономических исследований недостаточно.

Наибольший интерес представляет 18-я глава — «Этнокультурные особенности трудового поведения: факты и концепции» (Л. С. Перепелкин, О. И. Шкаратан), близкая по своему теоретико-методологическому характеру к 1-й главе и подобно той отражающая состояние этноэкономики. Глава начинается с утверждения, что усиление внимания к этой тематике в капиталистических странах обусловлено борьбой за «повышение нормы прибыли за счет эксплуатации

специфических (национально-культурных) характеристик рабочей силы» (с. 205); это утверждение неудачно по стилю, ибо «характеристики» не «эксплуатируются», и по смыслу, так как неясно, какие именно характеристики имеются в виду и почему они не «эксплуатировались» раньше. В тексте главы говорится о том, что в последнее время трудоемкие отрасли производства (в частности, сборочные работы в сфере электроники) были в значительной степени передвинуты из капиталистических развитых стран в страны Юго-Восточной и Восточной Азии. «Население перечисленных стран, — пишут авторы, — издавна занималось интенсивным земледелием, прежде всего рисоводством. Привычка к тяжелому, кропотливому, изнурительному труду в сельском хозяйстве, видимо, легко может быть перенесена в сферу промышленности» (с. 210). Этот вывод подкупает простотой, но он требует усиления, так как навыки кропотливого, изнурительного сельского труда (характерного, кстати сказать, для большинства стран мира) сами по себе еще не объясняют отмеченное распределение труда в сфере электроники; если на этом основании ратовать, скажем, за перенесение сборки продукции ВЭФ из Риги в Ташкент, то от авторов потребуют более веских обоснований. Особо следует отметить здесь перечень компонентов культуры этноса (связанных преимущественно с традиционной этнической культурой), которые в той или иной степени воздействуют на трудовую деятельность в современном производстве, включая «систему общих ценностей культуры», «иерархическую модель профессиональной престижности» и др. (с. 206—207). Почему-то в этот перечень попала, впрочем, и «традиционная этносоциальная структура общества», отнюдь не входящая в «культуру этноса». Две последних главы: 19-я — «Трудовая миграция из СФРЮ (профессиональная ориентация и реальное трудоустройство)» — М. Ю. Мартынова и 20-я — «Население индейских резерваций США и рынок наемного труда (60—80-е гг.)» — В. Г. Стельмах, как ясно из их названий, имеют частный характер; обе они интересны по содержанию, но этноэкономические аспекты в них выступают недостаточно четко. В 19-й главе почти ничего не сказано о специфике трудовой адаптации югославских иммигрантов в ФРГ по сравнению, например, с турками, а 20-я глава имеет привычный антиимпериалистический уклон, направлена главным образом против эксплуатации индейцев американскими бизнесменами, с чем можно лишь солидаризироваться.

Подводя итоги, признаюсь, что замечаний по тексту книги у меня набралось довольно много. Но большинство из них — особого рода, ибо относятся к новой этноэкономической проблематике, разработка которой по существу лишь начинается; многие неточности являются, так сказать, погрешностями поиска, без чего немислимо развитие никакой науки. Задача заключается в том, чтобы внести необходимые коррективы на первых шагах, не допустить в дальнейшем более существенных отклонений от оптимального пути. В таком творческом поиске приходится участвовать самому рецензенту, и следует признаться, что, подмечая ту или иную погрешность в тексте данной книги, я не всегда отчетливо видел оптимальный путь исследования поднятых авторами или усмотренных мною этноэкономических проблем. Над некоторыми из них еще следует подумать и потрудиться, чтобы убедиться в том, не являются ли эти проблемы вообще псевдонаучными. Но в чем я был и остаюсь уверенным, так это в том, что этноэкономическая тематика имеет большое научное и особенно практическое значение, а разработка ее может сильно поднять общественный престиж этнографии. Поощрением дальнейших работ в этом направлении мне и хочется закончить данную рецензию.

В. И. Козлов

НАРОДЫ СССР

Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов. М., 1987. 557 с.

В современный период истории возрастает значение обобщающих марксистских этнографических трудов об отдельных народах или группах народов. Эти труды выполняют большую миротворческую миссию, знакомя народы с духовной и материальной культурой друг друга. Такое ознакомление — один из путей, одно из средств достижения взаимопонимания, взаимопонимания, сотрудничества и дружбы народов.

Среди обобщающих этнографических работ об отдельных группах народов привлекает к себе внимание фундаментальный труд «Этнография восточных славян», опубликованный издательством «Наука» в 1987 году. Он задуман и выполнен как один из томов международной серии «Этнография славян», которая создается учеными славянских стран, а также ГДР¹. Главным редактором серии является академик Ю. В. Бромлей.

Рецензируемый том подготовлен большим коллективом высококвалифицированных специалистов. Основная группа авторского коллектива — сотрудники Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР: Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов, М. Г. Рабинович, М. Н. Шмелева, Л. М. Сабурова, Л. Н. Чижикова, Г. С. Маслова, В. А. Липинская, А. А. Лебедева, С. Б. Рождественская, И. В. Власова, В. А. Александров, [В. К. Соколова], Н. В. Новиков, Б. Н. Путилов, Т. В. Станюкович. К созданию обобщающего труда был привлечен также ряд этнографов УССР (В. В. Наулко, В. В. Миронов, Т. В. Космина) и БССР (Э. Р. Соболенко)², а также сотрудники Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (В. Е. Гусев — фольклорист и И. И. Земцовский — этномузыколог). Привлечение к написанию обобщающей работы широкого круга ученых — этнографов, фольклористов, этномузыкологов